

Секция «Психологическое измерение политических процессов в России и мире»

**Социопсихологический подход в изучении протестных движений:
англосаксонский опыт**

Научный руководитель – Ракитянский Николай Митрофанович

Заика Софья Андреевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра социологии и психологии политики, Москва, Россия

E-mail: zaika@polit.msu.ru

Одно из направлений исследования массовых движений опирается на политическую психологию. Основные авторы: Cohen, Bandura, Zimbardo, Tausch, Jasper, Chenoweth и прочие.

Школа политической психологии в теории массовых движений обращает внимание на множество факторов. Объектами изучения данного направления являются политические элиты: мотивация, убеждения, стили управления, а также действия во внутренней и внешней политике, а также массы: их действия, коммуникация, социализация, политическое поведение. Однако, возникают сложности с объяснением всех феноменов, связанных с обозначенными выше акторами, поэтому зачастую политическая психология, объединяясь вместе с другими подходами, анализирующими такие факторы, как институты, политическую культуру, социальные нормы и стили лидерства, дает основание для объяснения фундаментального поведения индивида или групп населения [7].

Основные направления.

Согласно Oxford Handbook on Theoretical Foundations of Political Psychology, психологический подход включает в себя **теорию рационального выбора, биополитику, исследования личности и психодинамики и внутригрупповых отношений, когнитивную и эмоциональную психологии**, взаимосвязь эмоций и когнитивных способностей.

Влияние контекста. Реакция личности и общества на те или иные события во многом зависит от контекста. Так, воспринимаемая сила правительства и других акторов играет значительную роль. Например, в условиях сильного правительства и слабой террористической организации, люди будут чувствовать злость, когда как в условиях с сильной террористической организацией и слабым правительством - страх [7]. И в данной ситуации необходимо учитывать индивидуальные особенности индивидов, эмоциональный фон и особенность культуры, поскольку они оказывают большое влияние на принятие решений и действия.

Риск. Таким образом мы переходим к понятию риск, так как он выступает одним из факторов, вызывающих эмоции у индивидов. Риск – неблагоприятный набор эффектов, которые могут произойти только если индивид решит вести себя определенным образом для достижения цели [6,9,1]. С понятием риска связывают понятие политической эффективности – это воспринимаемая эффективность действия в достижении политических целей движения. И также понятие эффективность консолидации идентичности – эффективность в выражении и распространении ценностей движения, а также в получении поддержки для движения и его усилении.

Взаимосвязь рисков и эффективности движения. В одной из фундаментальных работ психологического направления исследования массовых движений [1] выделяется несколько возможных теорий взаимосвязи рисков и политической эффективности движения. Первая заключается в том, что репрессии со стороны властей показывают нежелание их идти на уступки протестующим, а также возможные риски для тех, кто

участвует в движении. Эти две причины оказывают негативное влияние на движение в целом, принимающих участие в протесте индивидов, а также на дальнейшую мобилизацию. Данная теория взаимосвязи рисков и эффективности подразумевает, что при увеличении рисков, уменьшается эффективность консолидации идентичности и политическая эффективность движения. Вторая теория предполагает, что увеличение рисков ведет к усилению эффективности и консолидации группы. Эта позиция опирается на нескольких теориях: (1) индивиды чувствуют себя исключенными из политической системы и видят, что пути к изменениям, помимо протеста, нет. (2) Второе положение утверждает, что репрессии со стороны властей в глазах индивида выглядят, как проявление слабости и обеспокоенности [4,10], а также могут привлечь внимание международных сил, которые окажут давление на правящие элиты, чтобы те пошли на уступки демонстрантам. (3) Третье положение гласит, что воспринимаемый риск способствует усилению консолидации группы за счет усиления идентификации индивида с движением. Чем больше риски, тем больше ощущение общей судьбы, что все находятся «в одной лодке» [5]. Подобная идентификация ведет к большим вложениям со стороны индивида в группу, а также может вызвать эмпатию со стороны третьих лиц (не определившихся граждан). Эмпатия приведет к дальнейшему увеличению протестующих и давлению на власти.

Влияние рисков. На принятие решения об участии в протесте и массовом движении оказывает влияние восприятие и оценка возможных рисков индивидом. Так, чем выше воспринимаемый риск, тем меньше вероятность, что индивид примет решение об участии в протесте. Было обнаружено, что восприятие риска непосредственно влияет на принятие решения о рискованных действиях [2]. На восприятие риска оказывают влияние три переменные: гнев (злость), политическая консолидация / идентичность и восприятие эффективности движения.

Применимость. Однако факторы, обозначенные ранее, относятся скорее к обычному гражданину, который колеблется, принять ли ему участие в протесте. Противоположностью могут выступать политические активисты, которые оценивают риски гораздо ниже и воспринимают рискованные действия как проявление собственной идентичности и верности идее [3]. Следовательно, они более склонны к рискам даже тогда, когда факторы настроены против них. Как заметили исследователи [11], при трансляции медиа происходящих событий, государственные органы были менее склонны к проявлению насилия. Это происходит потому, что трансляция проявления неправомерного насилия со стороны полиции может привести к большей эмпатии протестующим и вызвать большее число людей на улицы. Однако, нам кажется, то же самое распространяется и на протестующих, которые менее склонны использовать насильственные меры в таких ситуациях, поскольку власти смогут использовать трансляции в свою пользу: легитимизировать насилие и подорвать образ движения.

Вывод. Одним из недостатков психологического подхода является недоступность или ограниченность данных о субъективных факторах, которые движут индивидами: эмоциях, чувстве сплоченности и т. д. Даже если и есть возможность их измерения, например, в виде опросов, также возникает множество спорных моментов. Не является ли описание собственных действий и чувств индивидом рационализацией? К тому же возникают вопросы, как исследовать механизмы взаимодействия с полицией и реакцию полицейских на протестную активность в связи с закрытостью структуры и возможными рисками для опрашиваемых. В таких случаях респонденты могут также недоговаривать или давать ложную информацию, что может устранить только большая выборка, которую трудно получить. Однако психологический подход является перспективным, но сложным в реализации направлением в исследовании протестной активности.

Источники и литература

- 1) 1. Ayanian A. H., Tausch N. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising //British Journal of Social Psychology. – 2016. – Т. 55. – №. 4. – С. 700-721.
- 2) 2. Bongard S., Hodapp V., Rohrmann S. Emotions and health: The impact of emotions, emotions regulation, music, and acculturation on health //Zeitschrift für Gesundheitspsychologie. – 2008. – Т. 16. – №. 3. – С. 112-115.
- 3) 3. Calhoun C. Indirect relationships and imagined communities: Large scale social integration and the transformation of everyday life. – 1991.
- 4) 4. Chenoweth E., Schock K. Do contemporaneous armed challenges affect the outcomes of mass nonviolent campaigns? //Mobilization: An International Quarterly. – 2015. – Т. 20. – №. 4. – С. 427-451.
- 5) 5. Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities //British journal of social psychology. – 2000. – Т. 39. – №. 4. – С. 579-604.
- 6) 6. Fischhoff B., Watson S. R., Hope C. Defining risk //Policy sciences. – 1984. – Т. 17. – №. 2. – С. 123-139.
- 7) 7. Huddy L., Sears D. O., Levy J. S. (ed.). The Oxford handbook of political psychology. – Oxford University Press, 2013.
- 8) 8. Opp K. D., Roehl W. Repression, micromobilization, and political protest //Social Forces. – 1990. – Т. 69. – №. 2. – С. 521-547.
- 9) 9. Renn O. Concepts of risk: a classification. – 1992.
- 10) 10. Sharp G. Waging nonviolent struggle //Porter Sargent, Boston. – 2005. – Т. 40.
- 11) 11. Wisler D., Giugni M. Under the spotlight: The impact of media attention on protest policing //Mobilization: An International Quarterly. – 1999. – Т. 4. – №. 2. – С. 171-187.